

Масштабный и в то же время очень личный рассказ о члене семьи, чья история могла бы навсегда затеряться в море забвения, если бы не упорство автора и ее одержимость поиском истины... «Звезды над Кореей» придется по вкусу широкому кругу читателей, в особенности тем, кто чувствует себя лишенным настоящего дома.

The Bookreporter

Увлекательное, интригующее... проникновенное повествование о воссоздании потаенной истории, замешанное на чувстве личностного роста и понимания.

Kirkus Reviews

Хотя многие власть имущие в Корее предпочли бы оставить прошлое нетронутым, Маргарет Джухэ Ли показывает, что, двигаясь вперед, нам стоит и оглядываться назад.

Washington Independent Review of Books

МАРГАРЕТ ДЖУХЭ ЛИ

Звезды над Кореей

ХРОНИКИ УТРАЧЕННОЙ ИСТОРИИ

Перевод Юлии Бушуевой

УДК 82-312.6+94(519)

ББК 83.014.46

Л55

Margaret Juhae Lee
STARRY FIELD
A Memoir of Lost History

This edition published by arrangement with Frances Goldin Literary Agency,
Inc. and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского Юлии Бушуевой

Ли М. Д.

Л55 Звезды над Кореей : Хроники утраченной истории / Маргарет Джухэ Ли ; пер.
с англ. Ю. С. Бушуевой. — М. : КоЛибри, Издательство АЗБУКА, 2026. —
336 с. : ил.

ISBN 978-5-389-28140-0

Маргарет, американка корейского происхождения, отправляется в страну своих предков, чтобы выяснить, кем на самом деле был ее дедушка Ли Чхольха — загадочный преступник, о котором боялись упоминать даже самые близкие родственники. В ходе расследования, затянувшегося на многие годы, она встречает на своем пути самых разных людей: профессоров, ушлых дельцов, друзей и врагов семьи. Но главная героиня этой истории всё это время была совсем рядом: это Мин Гымсун, вдова Ли Чхольха, несгибаемая женщина, десятилетиями хранившая его тайну. Благодаря ей Маргарет наконец-то отыщет ответы на вопросы, так долго ее волновавшие. Какие загадки скрывают архивные документы? Почему всё это время бабушка столь тщательно оберегала семейное прошлое? Можем ли мы обрести себя, не зная всей правды о тех, кто дал нам жизнь?

УДК 82-312.6+94(519)

ББК 83.014.46

ISBN 978-5-389-28140-0

© Margaret Juhae Lee, 2023

© Бушуева Ю. С., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

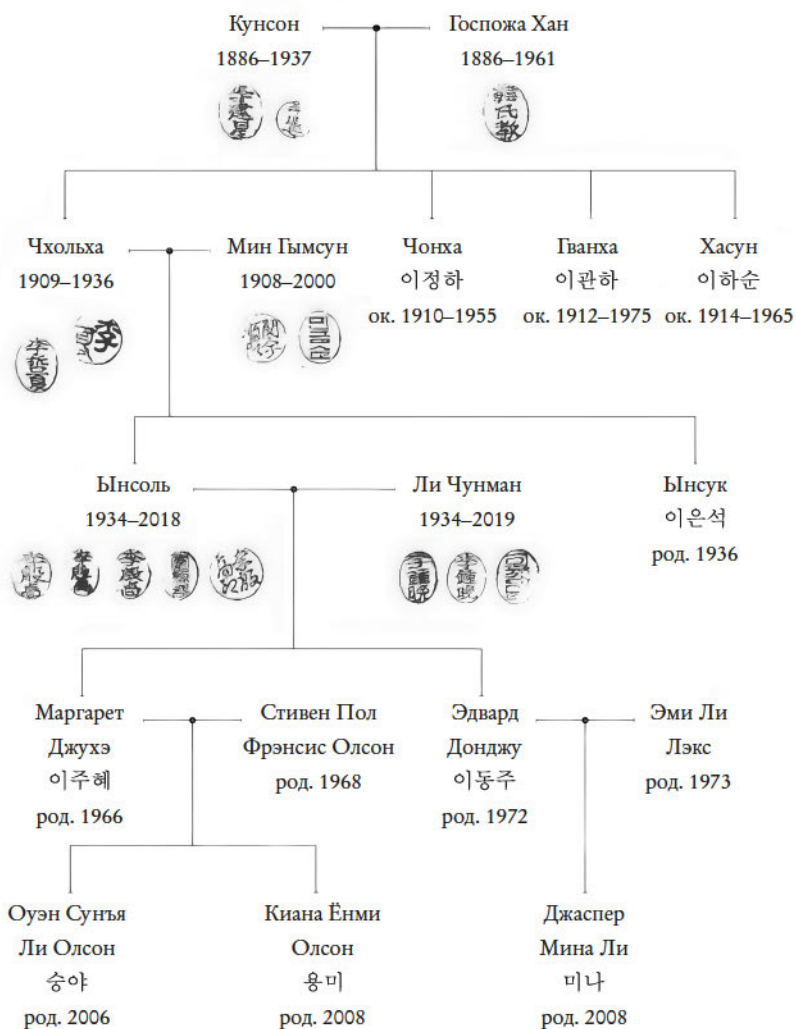
КоЛибри®

Хронология

1894	Крестьянское восстание Тонхак
1894	Начало Китайско-японской войны в Корее
1905	Корея становится протекторатом Японии
1908	Мин Гымсун (Хальмони) появляется на свет в Чонджу (Корея)
1909	Ли Чхольха появляется на свет в Конджу (Корея)
1910	Корея становится колонией Японии
1934	Ли Ынсолъ рождается в Конджу (Корея); Ли Чунман рождается в Сеуле
1936	Смерть Ли Чхольха
1945	Разделение Кореи после победы союзников во Второй мировой войне, положившей конец власти японцев. Страну оккупируют Соединенные Штаты и Советский Союз, граница между Югом и Севером проходит по 38-й параллели
1950–1953	Корейская война
1953 – наст. вр.	Северная и Южная Корея существуют как независимые государства

- 1958 У Ынсоля диагностируют туберкулез, он поступает в лечебницу
- 1962 Ынсоля и Чунман переезжают в Соединенные Штаты, чтобы продолжить образование
- 1963–1979 Пак Чонхи становится президентом Южной Кореи и остается на этом посту вплоть до своей гибели в результате покушения
- 1966 Маргарет Джухэ Ли рождается в Роли (Северная Каролина)
- 1969 Семья Ли переезжает в Хьюстон (Техас)
- 1972 Рождение Эдварда Тонджу Ли
- 1984 Маргарет оканчивает школу и поступает в Техасский университет в Остине
- 1992 Маргарет переезжает в Сан-Франциско
- 1995 Церемония перезахоронения Ли Чхольха на Национальном кладбище в Тэдждоне (Южная Корея)
- 1996 Маргарет переезжает в Нью-Йорк, чтобы поступить в Нью-Йоркский университет; Ынсолю делают операцию на легких
- 1999 Маргарет переезжает в Арлингтон (Массачусетс) на стажировку в Гарвардском университете
- 2000 Маргарет совершает путешествие в Корею
- 2018 Смерть Ли Ынсоля
- 2019 Смерть Ли Чунман
- Конец 2019 года Семья Ли развеивает в Корее прах Ли Ынсоля и Ли Чунман

РОДОСЛОВНОЕ ДРЕВО СЕМЕЙСТВА ЛИ

Овальные штампы — это доджанг, личные печати, которые используются вместо подписей. Имена членов семьи, у которых такой печати нет, написаны корейскими буквами.

Примечание автора

Эта книга — памятные записки об утраченной истории. На то, чтобы ее создать, у меня ушло больше двадцати лет.

Корни этой истории уходят в воспоминания о прошлом моей семьи, о тех сложных событиях, которые пережила Корея в XX веке. Чтобы раскрыть правду о своих предках, мне пришлось пустить в ход самые разные методы. В их числе — журналистское расследование, сбор устных свидетельств, архивные изыскания, а также реконструкция эпизодов, основанная на рассказах моих родственников. Я изменила некоторые имена, чтобы защитить приватность людей, которые их носят, и реконструировала диалоги. Если я со своей стороны привношу в описание событий вымысел, это всегда отмечается в тексте.

В главе «Непокорность» я представила, как мог бы проходить диалог между моим дедушкой и следователем японской полиции — эта беседа состоялась 18 сентября 1928 года в Сеуле, в полицейском участке у Западных ворот. Ответы деда дословно соответствуют стенограмме допроса, которую перевела моя мать.

Вступление. История истоков

Жила-была девочка, которая появилась на свет в стране, где не чувствовала себя дома. Она выглядела не так, как все вокруг, ела не ту еду, что все остальные. Люди спрашивали у нее: «Откуда ты?» Когда она отвечала: «Из Хьюстона», — собеседник снова попытывался: «Да нет, на самом-то деле ты откуда?»

Когда ей было десять лет, девочка побывала в стране, где родились ее родители. Но она и там не чувствовала себя дома. Она не понимала, что ей говорят, а сама могла разговаривать только короткими фразами, как маленький ребенок. Когда она была совсем малышкой, бабушка учила ее языку предков, но родители общались с ней дома только по-английски. Так им посоветовал педиатр. Он сказал: «Иначе ваша дочка будет плохо учиться в школе».

И вот девочка выросла, забыла язык своей бабушки, пошла в университет, попробовала себя в паре профессий и в конце концов выбрала журналистику. Она решила расследовать тайны своего дедушки, которого никогда не знала. Он попал в тюрьму и умер, когда ее отец был еще младенцем. Сначала девочка стала задавать вопросы своей бабушке — вопросы, на которые та не хотела отвечать.

Тогда девочка решила снова побывать в стране, где родились ее родители, но уже в одиночку. Она хотела разгадать, кем был ее дед. Для этого она решила раздобыть протоколы его

допросов в полиции и материалы следствия, которые бабушка сожгла во время Корейской войны. Из этих документов получилось, что он был очень молодым человеком, коммунистом, революционером и выступал против власти японцев.

Девочка несколько лет изучала язык своих родителей и уже научилась на нем читать и немного говорить. Но она понимала, что нужно всё равно нанять переводчика, а сама она должна разговаривать с людьми по-английски. Только тогда ее станут принимать всерьез те мужчины, которые могут помочь в поисках документов, связанных с дедушкой.

В конце концов девочка нашла эти документы, хотя они оказались совсем не там, где им полагалось быть. Она привезла их в Соединенные Штаты и отдала своему отцу. Оказалось, что это лучший подарок, какой она только могла ему сделать (конечно, не считая внуков). Она начала уже писать книгу о том, как искала утраченную историю, но жизнь помешала ее планам. Позднее она снова взялась за книгу, но всё равно не успела ее закончить до того, как умерли ее родители.

Когда наша дочь Кики еще ходила в детский сад, то по вечерам, чтобы ее убаюкать, я забиралась к ней на постель, на ее высокую кровать-чердак. Стив, мой муж, так сделать не мог — его вес превышал допустимый лимит. Поэтому я сворачивалась калачиком рядом с Кики, а он читал книжку нашему сыну Оуэну — у мальчика кровать была пониже, поближе к полу. Я чаще всего забывала взять с собой книжку, поэтому рассказывала дочке истории, которые придумывала сама.

Я рассказывала ей про Чудо-близнецов — брата и сестру, которых я помнила по мультикам из своего детства. Каждый из них имел по кольцу, и когда они ими соприкасались, то у них «включались» сверхспособности. Близнецы снимали с деревьев кошек, переводили через улицу старушек. Они сотрудничали друг с другом, а не соперничали — совсем не то, что Кики и Оуэн!

«Десять тысяч медведей» были явно навеяны моей любимой сказкой про Златовласку и трех медведей. Только в новой версии

волосы у Златовласки были темные и когда она ушла из дома, то нашла огромную пещеру, где стояли не три кровати, а целых десять тысяч — выбирай не хочи! Уйти из родной семьи и жить с медведями она решила, потому что дома чувствовала себя одинокой.

И все они после этого жили долго и счастливо.

Когда дети пошли в детский сад, я снова взялась за книгу о своем дедушке. За книгу, над которой перестала работать, когда забеременела. Полностью переписала весь текст — мне помогли в этом занятия в мастерской генеративного письма, куда я ходила раз в неделю. Отбросив все свои заметки, исследования, планы и схемы, я спонтанно записывала всё, что приходило мне в голову. Всё, что стекало с моих пальцев на кончик пера, а оттуда на разлинованные страницы моего блокнота — огромного блокнота на пружинке.

Материалы книги — я впитывала их в себя начиная с 2000 года, когда отправилась в Корею на поиски документов о жизни дедушки. Именно тогда я обнаружила факты, связанные с короткой жизнью Ли Чхольха — нашла протоколы допросов, список книг, которые он читал в тюрьме, тайный шифр, разработанный им для переписки с товарищами-коммунистами. Но что проникло в самую сердцевину моего существа, так это рассказы моей бабушки, Хальмони¹, которыми она успела со мной поделиться, прежде чем умерла. Они впитались в мою плоть, стали частью того человека, которым я являюсь, — внучки, дочери и в конечном счете матери.

И я почувствовала, что должна выпустить их из своего тела на волю.

Так вот, Кики и Оуэн: перед вами история истоков. На то, чтобы ее написать, у меня ушло двадцать лет жизни. Конечно, работа не раз прерывалась. Вернувшись из Кореи, я переехала

¹ «Бабушка» (кор.). — Здесь и далее — прим. ред.

обратно в район залива Сан-Франциско. Мой первый агент ушел из издательского бизнеса. Я встретила вашего отца. Мы поженились, у нас родился Оуэн, а потом, два года спустя, Кики. Началась суматошная семейная жизнь: тысячи кусочков конструктора, сотни футбольных тренировок, долгие поездки в Портленд, в гости к бабушке и дедушке, путешествия в Корею, затяжные болезни, безвременные смерти, ускоренное обучение финансовому и жилищному праву и почти невыносимая тяжесть горя.

Я надеюсь, что моя история сможет стать частью вашей жизни. Потому что моя история — это и ваша история, и она включает в себя воссоздание жизней — забытых и, казалось, навеки погребенных в родной земле наших предков.

И начинается она так...

Пепел

Мы приезжаем в Сеул на последней неделе 2019 года. Мой брат Эд с семьей ехал из Портленда, мы с ними встретились еще в Сиэтле. В Сеуле я чувствую себя комфортно, хотя почти не говорю по-корейски. В течение четырех месяцев 2000 года этот город был моим домом. Я тогда была не замужем, мою жизнь не отягощали заботы, но ноша горя всё равно на меня давила: за два месяца до того умерла моя бабушка — Хальмони.

За прошедшие двадцать лет я подрастеряла свои познания в корейском языке, потому что совсем ими не пользовалась. Однако я до сих пор могу понять разговор на корейском или хотя бы в общих чертах уловить его смысл, если речь идет о еде, купании, школе и вообще о каких-то вещах, знакомых даже трехлетнему малышу. К тому же я умею читать хангыль¹, хоть и очень медленно (весьма полезный навык, когда возникает необходимость сделать заказ в ресторане).

Члены моей семьи — перфекционисты, они вечно нуждаются в переводах и объяснениях. В пельменном ресторане (он стоит рядом с гостиницей за углом) я объясняю, что корейские пельмени, так называемые манду, бывают шести видов: пельмени, жаренные на сковородке, пельмени паровые, пель-

¹ Хангыль — корейская азбука.

мени, сваренные в бульоне, и каждая из этих опций, в свою очередь, существует в двух вариантах — вегетарианском или со свиной. Отпрыск моего брата хочет полпорции жареных вегетарианских пельменей и полпорции паровых со свиной. Объясняю ему, что в Корее в небольших непафосных ресторанах такие нестандартные заказы не практикуются. Нужно выбрать что-то из вариантов, которые четко прописаны в меню. Мать мальчика просит, чтобы я узнала у официанта, нельзя ли всё-таки сделать нестандартный заказ — ну в виде исключения, только один разок. Делаю глубокий вдох и иду искать молодого человека, которые раздавал нам меню. Он подстрижен под горшок, как артист из К-поп группы BTS. Максимально вежливо спрашиваю на ломаном корейском, нельзя ли сделать исключение. Официант трясет головой: «Аниё»¹ — и повторяет по-английски: «Просто выберите что-то одно». На следующее утро, в гостинице за шведским столом, нам везет больше: там есть разнообразная еда, соответствующая обычно американскому завтраку, и она всем приходится по вкусу.

На следующий день мы берем два такси до станции «Сеул» — по одной машине для каждой семьи. Я обращаюсь к любезной консьержке, которая говорит на безупречном английском. Прошу ее записать адрес на бумажке и отдать водителю, который повезет моего брата с семьей, потому что знание корейского у родичей на уровне абсолютного нуля. Мои дети толкаются и дерутся из-за места — никто не хочет сидеть в середине салона. Для Кики и Оуэна малейшее взаимодействие превращается в борьбу и соревнование. Красный жар досады ползет у меня вверх по шее и охватывает холодные щеки. Мой раздраженный внутренний голос срывается на крик.

— Господи Иисусе, ну просто сядь уже в машину. Давай быстрее, на улице жуть как холодно!

— И зачем мы вообще поехали в Корею зимой, в такой дубак?

И тут Стив — наш буфер, наша палочка-выручалочка, отважный укротитель буйных детей — произносит глубоким басом:

¹ «Нет» (кор.).

— Оуэн, Кики, вы будете сидеть в середине по очереди!

Впервые в жизни мы оказываемся в роли ВИПов. Поскольку мы собираемся сделать крупное пожертвование в пользу старшей школы Конджу — это альма матер моих отца и бабушки, — нам предоставляют билеты на скоростной поезд, да еще в первый класс. Я никогда даже вообразить не могла, что мы вдруг станем какими-то там меценатами.

В Соединенных Штатах мы относились к иммигрантам среднего класса, без всякой наследственной финансовой базы. Мой отец Ынсоль, специалист по статистике, обеспечивал семье стабильное существование в небогатом пригороде Хьюстона, но не более того. Всё папино «состояние» заключалось в накоплениях на пенсионном счету — отец исправно пополнял его каждый месяц, пока работал в Школе здравоохранения, даже если ради этого приходилось урезать расходы на другие семейные нужды. И еще он ежемесячно отправлял деньги моей бабушке в Корею. Моей артистичной, художественно одаренной матери он выдавал еженедельную сумму на бакалейные товары и разные другие потребности. Мама и сама подрабатывала — шила соседским девочкам платья на выпускной, а богатым леди из Ривер-Оукс, с которыми познакомилась в церкви, шелковые блузки. Всё, что требовалось семье, она покупала на распродажах или в комиссионке в центре города.

Мой папа накопил так много и инвестировал так мудро, что под конец жизни они с мамой смогли поселиться в «Мирабелле». Это высотное здание в Портленде, квартиры в котором специально предназначены для пожилых; в нем создана лучшая в городе система помощи людям с возрастными ментальными проблемами. Родители умерли раньше, чем ожидалось, один за другим, с промежутком в год.

На протяжении всего моего детства отец говаривал, что он просто деревенский паренек родом из Конджу — бывшей столицы царства Пэкче. И он даже мечтать не мог, что после окончания Корейской войны его примут в Сеульский нацио-

нальный университет. Когда это произошло, он сам удивился больше всех. К тому же папа говорил, что студентом он был средненьким. Еще одну важную вещь я поняла, лишь когда стала взрослой: хотя его семья, как и мамина, происходила от дворян-землевладельцев (янбан), ей не удалось увеличить свое состояние ни в колониальную эпоху, ни после войны.

Во время моей первой поездки в Корею в 1976 году (мне тогда было десять лет) мамины родственники, которых мы навещали, принимали нас в сеульских особняках или в стильных квартирах, расположенных в высотных зданиях. А вот с папиной стороны все как жили в деревне, так там и остались. Один из отцовских кузенов работал таксистом. Его брат жил в доме без водопровода и канализации. Тем не менее родственники отца владели землей на холмах между Конджу и Тэджоном. Им также принадлежали участки земли с захоронениями предков и целая гора, состоящая из гранита. В ней были высечены могилы моих дедушки и прадедушки.

В 1995 году тело моего деда извлекли из могилы на склоне горы и перезахоронили на Национальном кладбище недалеко от Тэджона. Там он оказался рядом с многочисленными южнокорейскими патриотами, генералами, президентами, политиками, которых становилось всё больше. И это событие полностью изменило ход жизни моего отца и моей семьи.

Когда в 2015 году родители переехали в «Мирабеллу», я настояла на том, чтобы папа продал землю в Корее, которая до сих пор была записана на его имя. В патриархальном понимании он являлся главой семьи — старшим сыном старшего сына, человеком, который несет ответственность за всё и перед всеми.

«Пап, я не хочу, чтобы после твоей смерти мне пришлось разбираться с этой землей в Корее».

Отец обнаружил, что один его родственник обманом вписал свое имя в документ, устанавливающий собственность на землю. То же самое ранее сделал и другой родственник, принадлежавший еще к предыдущему поколению. Папа ведь жил за океаном, и хитрецы надеялись, что он ничего не заметит. Но в 2010 году отец подал против обманщика иск по поводу незаконного владения и выиграл его. За долю выручки он попросил

некоего третьего родственника, более заслуживающего доверия, помочь в продаже гранитной горы девелоперу. Свою часть денег, полученных от этой сделки, отец хотел пожертвовать старшей школе Конджу — основать там стипендию имени моего дедушки, увековечив память об акции протеста, которую мой дед устроил против директора-японца в 1927 году, когда там учился. За эту акцию дедушку и выгнали из школы до ее окончания.

В поезде дети сразу захватывают места возле окон, по разные стороны от прохода. Я сажусь рядом с Кики, а Стивен — рядом с Оуэном. Пружинистое сиденье, складная подставка для ног, гляцевый журнал о путешествиях, вложенный в кармашек на спинке переднего кресла, — обстановка комфортная, даже роскошная. Как только пейзаж за окном меняется и вместо ультраплотной городской застройки появляются жилые многоэтажки, расставленные как костяшки домино, жена моего брата предлагает сводить детей в вагон-ресторан за вкусняшками. А я закрываю глаза и сосредотачиваюсь на дыхании — так рекомендовал психотерапевт, объясняя, как справиться с чувством горя.

Вдохни, выдохни. Сохраняй спокойствие. Не злись на детей. Помни, зачем ты здесь.

Мы никогда не думали, что папа уйдет первым. Из них двоих деменция началась у мамы, именно по ней было видно, что она угасает. Конечно, у папы имелись недуги, типичные для восьмидесятилетнего старика, — болезнь Меньера¹, высокое давление, расстройства равновесия. Но в целом он был здоров и физически активен. В «Мирабелле» он ходил на физкультуру, вступил в «Клуб иностранных дел», вел занятия по оригами и сложил тысячу бумажных журавликов для учреждения по уходу за лицами с нарушением памяти, куда положили маму.

¹ Заболевание внутреннего уха, для которого характерны приступы головокружения и прогрессирующая глухота.

Он очень не любил ходить к врачам, но, обнаружив у себя кровь в стуле, немедленно отправился на прием. Когда мама вернулась домой, ему пришлось взять заботы о ней на себя. «Кто знает, может, она поправится и снова станет собой», — сказал он мне, хотя знал, что деменция — это дегенеративное заболевание и назад оно не отыграется. Он мечтал увидеть, как Оуэн, его старший внук, окончит школу. У него было столько причин, чтобы жить...

Как желудка, как объяснил папа, часто встречается в США у людей азиатского происхождения. А в Южной Корее он стоит на первом месте среди всех видов рака. Виной всему пищевой рацион и бактерия *H. pylori*, с которой отец, видимо, контактировал в детстве, еще до войны. Он перенес химиотерапию, сохранив все волосы на голове. Но лучевая терапия его подкосила. Страшные боли в желудке, потеря аппетита, бессонные ночи, неконтрольное мочеиспускание. Чтобы отцу было легче заснуть, Эд покупал ему жвачку с каннабидиолом. Когда я однажды пришла навестить папу, он при мне упал прямо на прикроватный столик. После моего ухода он упал снова, пытаясь встать с кресла в гостиной. Падения случались и дальше — иногда он нам рассказывал о них, иногда нет.

Во время его последнего визита в отделение неотложной помощи у него обнаружили сильные ушибы головы. Вот здесь, здесь и здесь. Молодой интерн показал нам на снимке КТ на темные пятна внутри мозга. Ткани мозга напозднили на борозду, разделяющую их на две равные половинки.

Падение, положившее конец всем прочим падениям, случилось весной. Отец словно выжидал, когда Эд с семьей уедет на каникулы. Когда я примчалась в Учебную больницу университета здоровья штата Орегон, катя за собой огромную сумку на колесиках, папа еще мог говорить. Я прошла мимо комнаты с мягкими стенами, внутри которой истошно вопила какая-то женщина. Больные мужчины в инвалидных колясках кучковались в холле, словно автомобили на парковке. Папина палата находилась в конце коридора.

— Мар-га-рет, — произнес он, — сними с меня эту штуку.

И он вцепился рукой в ортопедическую подушку-бублик, надетую у него на шею, и принялся ее сдергивать.

— Пап, — сказала я, снова застегивая липучку на подушке, — я ведь тоже упрямая, вся в тебя. Так что ты лучше брось это делать.

Он кинул на меня гневный взгляд, и на лице его читалось: «Да как ты смеешь!» А потом снова сдернул подушку. Я водворила ее на место, глядя ему прямо в глаза без своей обычной улыбки. В конце концов он устал, стал задремывать, и я снова отвезла его в палату. Я даже не подозревала, что это был последний настоящий эмоциональный контакт между нами.

С этого дня он навсегда перестал быть собой.

Папина сиделка сказала мне, что не стоит слушать докторов, которые рекомендуют операцию на мозге: «Хирурги всегда предлагают операцию, потому что оперировать — это их работа». Решать предстояло не врачам, а родственникам. Мой больной раком отец — перенесет он в свои восемьдесят четыре года операцию с трепанацией черепа и последующую долгую реабилитацию, когда ему, по всей вероятности, придется заново учиться ходить и говорить? Если мы считаем, что нет, то следовать рекомендации хирурга не стоит. Я посоветовалась с Эдом и папиным врачом-гериатром.

Личность моего отца, то, кем он являлся и кем себя ощущал, — всё это было неразрывно связано с его интеллектом. Жизнь без мышления папа не считал бы жизнью. Он бы предпочел умереть. С этим мы все согласились.

Апрель 2018 года, последние дни его жизни. Мы приняли решение перевезти его обратно в «Мирабеллу», чтобы он провёл их рядом с мамой. Она уже утратила способность говорить, но по-прежнему могла слушать и держала папу за руку, когда он, подключенный к аппарату ИВЛ, сделал свой последний вздох.

Стоит ли говорить, что папа, умирая, не занимался семейными земельными владениями. Поскольку я была доверенным лицом своей матери и душеприказчицей обоих родителей, эта задача перешла ко мне.

И вот мы едем в Конджу. Дети возвращаются из буфета. У них в руках банки с сидром фирмы Chisung и коробки с крекерами в виде грибочков. У малышни каникулы — а это значит, что можно объедаться сладким! Оуэн быстро уничтожает свою добычу и мгновенно засыпает. Кики отгрызает с каждого грибочка шоколадную шляпку, а ножки оставляет на потом.

Спустя сорок минут мы подъезжаем к огромному, пустынному зданию станции. Оно расположено за городской чертой Конджу, неподалеку от родовых земель нашей семьи. Никто, кроме нас, из поезда здесь не выходит. Станцию построили по случаю Кубка мира 2002 года, но, вопреки ожиданиям южнокорейского правительства, это не стало толчком к развитию региона. Экономика края до сих пор не оправилась от рецессии 2008-го.

На станции нас встречают два учителя английского языка из местной старшей школы — господин Ким и господин Пак. Мы снова разделяемся и рассаживаемся в два автомобиля — каждая семья в свою машину. Я «надеваю» любезное выражение лица, подобающее истинной леди, и начинаю светскую беседу с господином Кимом.

К решению пожертвовать гранитную гору старшей школе города Конджу я пришла после того, как пять месяцев продиралась через хитросплетения южнокорейского наследственного права в той его части, что касается родовых земельных владений. Я сформировала команду под кодовым названием «Фамильная земля». В нее входили Эд, моя кузина Джулия (она заполняла бумаги от лица моего дяди), Сонму, жена моего дяди по матери (она немного интересовалась недвижимостью), и господин Ли, сеульский юрист по недвижимости — выйти на него помог отец одного из друзей Оуэна по детскому саду. В сентябре 2018 года я съездила в Корею, чтобы встретиться с юристом и поторговаться с родственниками папы (теми, которые предположительно были достойны доверия, но быстро продемонстрировали, что недостойны его).

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

ЛИ МАРГАРЕТ ДЖУХЭ
ЗВЕЗДЫ НАД КОРЕЕЙ

Руководитель редакции М. Терехова
Ответственный редактор М. Бушуева
Выпускающий редактор Е. Солодовникова
Художественный редактор М. Левыкин
Технический редактор Л. Сеницына
Корректоры О. Другова, В. Алексина
Компьютерная верстка С. Иванова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 25.03.2026.
Формат 60 × 88 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура «OriginalGaramond BT».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,58.
Тираж 2000 экз. М-DCF-37156-01-Р. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» – обладатель товарного знака КоЛибри 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ – КоЛибри тауар белгісінің иесі 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 Әл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68, БЦ «Регул», 2-й этаж Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қаласындағы «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы 195112, Санкт-Петербург, Мало-Охтинский даңғылы, 68 ғимарат, Регул бизнес орталығы, 2-қабат Тел. (812) 327-04-55 Әл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом
регулировании можно получить по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

